

Предисловие к третьему тому

В томе первом было описано раннее русское государство, которое появилось в конце IX века, просуществовало несколько столетий и распалось. Главная причина неуспеха этой «первой попытки», говоря коротко и упрощенно, заключалась в том, что исчезла причина, по которой это государство возникло. Оно образовалось на ключевом отрезке великого купеческого пути «из варяг в греки» — вдоль рек, соединяющих Черное море с Балтийским. Пока эта коммерческая магистраль сохраняла свое значение, Киевская Русь процветала, богатели и расширялась, выражаясь языком современным, за счет выгоды от «обслуживания транзита» и участия в византийско-европейском товарообороте. Когда же речной маршрут начал хиреть из-за открытия новых торговых трасс и ослабления Византии, обнаружилось, что русская центральная власть слишком слаба, а внутренние межобластные связи недостаточно развиты, чтобы удерживать такую большую территорию внутри политической системы. Местным правителям стало выгоднее существовать самостоятельно, нежели делиться доходами с киевским великим князем, а у того не хватало средств справиться с центробежным движением. Обширное, но некрепко сшитое государство, охватывавшее значительную часть Восточной Европы, в XII веке распалось на множество средних и мелких княжеств, которые изредка объединялись перед лицом внешней опасности, но чаще воевали между собой. Однако они еще продолжали называться «Русью», сохраняли один язык, общую культуру, единую церковную организацию и управлялись родственниками — членами династии Рюриковичей. К моменту катастрофы 1237 года русского государства как такового давно уже не существовало, но страна еще сохранялась.

Во втором томе рассказывалось о том, как вследствие вмешательства внешней силы — монгольского нашествия — на время исчезла и страна. Русь утратила независимость и распалась на две части, каждая из которых в дальнейшем пошла своим историческим путем. Восточная половина стала сначала ордынской провинцией, а затем ордынским протекторатом; западная попала под власть литовских великих князей и польских королей. Двести с лишним лет, с середины XIII до середины XV века, суверенного русского государства не существовало.

Однако по мере ослабления великой империи Чингисхана, вследствие ряда объективных, но в еще большей степени случайных факторов, на северо-востоке бывшей страны начало укрепляться одно из маленьких княжеств — Москва. Очень небыстро, за полтора века, преодолевая сопротивление соседей и гибко приспосабливаясь к изменчивой ситуации внутри Орды, московские правители добились того, что их лидерство стало неоспоримым, а верховенство татарского хана превратилось в пустую формальность. К моменту смерти Василия II и вокняжения его сына Ивана III (1462 г.) в восточной половине Руси созрели все предпосылки для возрождения большого государства — *второго* русского государства.

Приступая к работе над русской «Историей», я намеренно отказался от выстраивания какой-либо концепции. Нет у меня такого искушения и сейчас. Я по-прежнему не собираюсь ничего доказывать читателям, не хочу их убеждать в правоте именно моего взгляда на историю. Я хочу всего лишь пройти по всей цепочке событий, чтобы посмотреть, как развивалось российское государство, и попытаться понять, почему оно сумело справиться с одними задачами и не сумело справиться с другими; в какие моменты государственная власть действовала в интересах страны и народа, а когда она им вредила; вообще — что такое «польза» и «вред» применительно к стране на каждом историческом этапе. И всё же, даже при таком намеренно ненаучном, неметодологическом способе изложения трудно не заметить, что на протяжении тысячелетней истории неоднократно происходило чередование векторов движения. Страну, географически расположенную на стыке западной и восточной цивилизаций, вело то в сторону Запада, то в сторону Востока. Эти переходы из условной Европы в условную Азию и обратно настолько очевидны, что мало кто из серьезных историков оспаривает историческую «двухкомпонентность» российской государственности.

Колебания этого геополитического маятника отражены и в названиях томов.

Первый назывался «Часть Европы» — потому что до середины XIII века Русь оставалась в русле общеевропейской истории (если включать в таковую и Византию).

Второй том пришлось назвать «Часть Азии», ибо Русь, во всяком случае восточная ее половина, стала частью азиатской (мон-

Предисловие к третьему тому

гольской) державы и начала существовать по совершенно иным принципам.

Данный том получил название «Между Азией и Европой». Русь восстанавливает независимость, переходит к самостоятельному развитию, однако пока еще она намного ближе к Востоку, чем к Западу — прежде всего, по своей государственной системе, унаследованной от Орды и в значительной степени ее копирующей.

Это и естественно. Русские правители не видели и не знали государства могущественнее Золотой Орды. Византия, бывлой учитель киевских великих князей, впала в ничтожество, а в 1453 году вообще прекратила свое существование. Новый исполин — Османская империя, была военной державой, которая тоже в значительной степени заимствовала структуру чингизидских царств. Военно-ордынский тип государственной организации строился на простых, ясных и удобных принципах. Главный стержень — абсолютная, обоженственная власть государя; правление осуществляется не по единому для всех закону, а по августейшей воле монарха; все подданные, от первого вельможи до последнего раба, считаются слугами государства — то есть государя; жесткая вертикальная структура при необходимости обеспечивает быструю мобилизацию военных и хозяйственных ресурсов.

Правда, Золотая Орда рассыпалась на глазах у московских правителей, однако произошло это, по представлению современников, из-за ослабления ханской власти и своеволия ордынской знати. Русские правители сделали из этого вывод, казавшийся очевидным: чем тоталитарнее контроль сверху, тем прочнее держава. Так возникает парадокс, который впоследствии станет одной из главных коллизий российской истории. Оставаясь по своей структуре, принципам устройства, идеологии государством «ордынского» склада, Россия будет стремиться занять важное, а если получится, то и доминирующее место в европейской политической системе.

Дело в том, что одновременно с созданием нового русского государства при Иване III энергетический центр истории начинает постепенно перемещаться с Востока на Запад. На первом этапе описываемого периода Азия в лице Османской империи еще наступает и теснит Европу, но к концу XVI века опережающее развитие последней становится всё более очевидным. Обновлен-

ному русскому государству, связи которого были традиционно ориентированы на Восток, приходится всё больше заниматься Западом. Европа становится ближе и *важнее*; экономические, технологические и культурные интересы заставляют Русь поворачиваться к ней лицом.

Следующий, четвертый том, посвященный Руси XVII века, будет называться «Между Европой и Азией» — к тому времени Московское государство отдрейфует еще дальше в западном направлении, всё более дистанцируясь от Востока.

Третий том охватывает события с 1462 до 1605 года, то есть с момента фактического освобождения Руси от иноземного владычества до великой Смуты — новой утраты независимости в результате внутреннего кризиса и вражеского вторжения. Первоначально я собирался назвать том «Вторая попытка». Это, собственно, и была вторая попытка создания большого централизованного государства, мощно стартовавшая, но приведшая к печальному финалу. Суверенитет вновь был утрачен, но теперь уже в столкновении с Западом, а не с Востоком. Хотя крах оказался менее катастрофичным, чем в XIII столетии, и независимость через несколько лет была восстановлена, всё же представляется очень важным понять: почему успехи сменились поражениями? Что во «втором» русском государстве изначально было — или со временем стало — причиной подобной непрочности?

Именно эта линия в данном томе будет ведущей. Мои предположения и выводы, как обычно, я соберу в заключительной главе. К тому времени читатель, уже ознакомившись с фактами, наверняка сформирует собственную точку зрения, которая, возможно, и не совпадет с авторской.

Эпохи российской истории, с ее перемещениями из одного цивилизационного пространства в другое, настолько отличаются друг от друга, что в каждом томе приходится менять принцип повествования, приспособлявая его к особенностям данного периода. Структурно третий том существенно отличается и от первого, и от второго.

Прежде я уже писал, что меня очень занимает давний спор о роли личности в истории. Совершенно очевидно, что эта роль сильно варьируется в зависимости от формы государственного

Предисловие к третьему тому

устройства. При демократической республике или ограниченной монархии она, разумеется, существенно меньше, чем при абсолютизме или при военно-диктаторском режиме. Если — обычно в силу вполне объективных причин — в стране устанавливается режим неограниченной власти одного человека, то фактор вполне субъективный, личные качества правителя, обретает гипертрофированное значение.

Такой концентрации единовластия, какое произошло в описываемый период, на Руси прежде еще не бывало. В эти времена, когда, по выражению С. Соловьева, «государство было еще так юно», личность Самодержца определяла политику страны, а стало быть, и ее судьбу. Характер монарха, слабые и сильные черты его натуры, состояние здоровья, события семейной и частной жизни накладывали отпечаток на всю эпоху. Не будет большим преувеличением сказать, что действовал принцип: каков государь, таково и государство. Вот почему в период, охваченный данным томом, описание политических событий, социальных и экономических изменений проще вести не от объективного к субъективному, а наоборот, от личного к общественному.

Для рассказчика это очень удобно. История «второй попытки» легко делится на четыре *времени*, по числу русских правителей, и у каждого из этих времен отчетливая собственная индивидуальность. Первые три раздела — «Время Ивана III (1462–1505)», «Время Василия III (1505–1533)» и «Время Ивана IV (1533–1584)» — я назвал именами монархов; четвертый, «Время Бориса Годунова (1584–1605)», — именем фактического главы государства, хотя с 1584 до 1598 г. на престоле находился царь Федор I.

Каждая часть начинается главой, посвященной личности властителя. Без этого многое в жизни государства осталось бы непонятно.

Затем следуют тематические главы, формирование и подбор которых опять-таки зависят от индивидуальных особенностей правления: чем рациональней и последовательней владыка, тем стройнее повествование (как, например, в описании эпохи Ивана III) — и наоборот, при таком мятущемся монархе, как Иван IV, рассказ о жизни государства тоже получается «скачущим».

*Время
Ивана Третьего
(1462–1505)*

(© РИА Новости)

Историю Ивана III, правителя целеустремленного и настойчивого, поделить на хронологические и тематические главы очень легко, поскольку Иван Васильевич обычно не брался за новую государственную задачу, не покончив с предыдущей. Великий князь всегда твердо знал, чего он хочет и какими средствами будет этого добиваться. Он безусловно обладал незаурядным стратегическим мышлением, строил свои планы задолго и надолго, и планы эти, даже самые трудные, всегда бывали реалистичны.

Фоном всей деятельности Ивана III были усилия по преобразованию конгломерата неоднородных, по-разному устроенных русских областей в единое государство; по созданию властной пирамиды, увенчанной фигурой абсолютного монарха. Эту работу государь вел кропотливо, терпеливо и непрестанно с первого и до последнего дня своего долгого княжения. Иван был истинным архитектором «второго» русского государства. Глава «Московский государь» посвящена трудам Ивана III по строительству жестко централизованного, самодержавного организма власти.

Затем, в хронологическом порядке, идут главы, в которых описаны три большие кампании, осуществленные Иваном III: Новгородская, Татарская и Литовская. Именно они заложили фундамент великого царства и определили будущее страны. Государю, конечно же, во все годы приходилось одновременно заниматься и новгородскими, и татарскими, и литовскими делами, однако будучи человеком методичным, он на каждом этапе считал приоритетным только одно из этих направлений.

История Российского государства

Проблема Новгорода в целом решилась к 1480 году; татарская проблема — к 1487-му, и в дальнейшем, до конца жизни, Иван был главным образом занят Литвой. Соответственно построено и повествование.

Еще три главы отведены темам, без которых рассказ об этом важном периоде русской истории был бы неполным: изменениям во внутренней жизни страны, становлению русской внешней политики и взаимоотношениям светской власти с церковью.

Однако прежде всего давайте познакомимся с живым человеком, которому было суждено осуществить грандиозную задачу возрождения русского государства.

Иван III Васильевич в жизни

Государственный семьянин

Наследник и преемник невыдающегося Василия II родился 22 января 1440 года. По святцам это был день памяти апостола Тимофея, и «прямое», то есть крестильное имя княжича было Тимофей. По древней традиции получил он и еще одного небесного покровителя, Иоанна Златоуста, в честь которого был наречен Иваном. Под этим вторым именем он и остался в истории. Мать Тимофея-Ивана, Мария Ярославна, происходила из серпуховской ветви московского княжеского дома. Мальчик был на четверть литовцем, правнуком великого Витовта.

До зрелых лет дожили еще пятеро детей Василия II: Юрий Молодой, Андрей Большой, Борис, Андрей Меньшой и Анна.

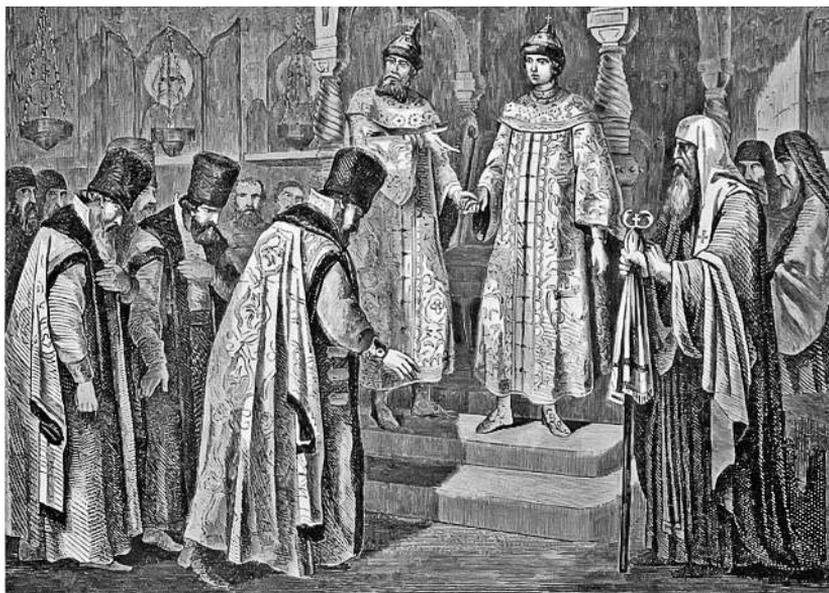
В жизни всякого монарха семейное и государственное переплетены, родственные и брачные связи не бывают частным делом, а у Ивана III государственный интерес находился на первом месте и, похоже, всегда брал верх над личными чувствами — в этом он выгодно отличался от многих последующих российских властителей. Иван Васильевич никогда не был просто семьянином — мужем, братом, отцом, дедом; он был *государственным семьянином*. Мы должны всё время об этом помнить, оценивая его поступки по отношению к родственникам и, в особенности, к родным братьям, с которыми Иван, если того требовала государственная необходимость, обращался как с врагами.

Детство княжича было тревожным.

Ему было всего пять лет, когда неосторожный Василий Васильевич угодил в татарский плен, едва не погубив Московское

княжество. В следующем году настали еще более бурные времена. Вернувшийся из плена великий князь был свергнут с престола кузеном Дмитрием Шемякой, ослеплен и заключен в темницу. Маленького наследника было увезли, но потом выдали врагам, и он разделил с отцом заточение. Затем свергнутого Василия, получившего за незрячесть прозвище «Темный», вместе с семьей отправили княжить в захолустную Вологду, где слепец начал готовиться к новой гражданской войне. Чтобы заручиться поддержкой тверского князя Бориса Александровича, он пообещал женить семилетнего Ивана на тверской княжне Марии, которая была еще младше.

Вскоре после возвращения на престол слепой Василий провозгласил маленького сына соправителем, так что Иван титуловался великим князем начиная с 1449 года. Трудно сказать, с какого возраста его стали привлекать к обсуждению государственных дел, но произошло это очень рано. Уже в двенадцать лет он участвовал в военной экспедиции (против Шемяки); вернувшись из похода, Иван женился на Марии Борисовне — то есть формально стал взрослым.

Василий Тёмный и его сын Иван. В.П. Верещагин

Иван III Васильевич в жизни

Василий Темный сделал девятилетнего ребенка своим соправителем, чтобы в будущем избежать обычной для того времени междоусобной войны за престолонаследие — младшие братья, вечный источник опасности, должны были привыкнуть к особенному положению старшего. Однако эта мера, предпринятая во имя государственной стабильности, оказалась мудрой и еще в одном смысле: в 1460 году она спасла великого князя от гибели.

Вражду с Новгородом, давшим приют упрямому Шемяке, великий князь в конце концов склонил купеческую республику к покорности. Отобрал у нее часть земель, взял большую контрибуцию, а через некоторое время, со свойственной ему беспечностью, явился в ненавидящий его город с небольшой свитой, да еще в сопровождении двух сыновей, Юрия Молодого и Андрея Большого.

Новгородцы решили воспользоваться столь удобной возможностью и убить своего обидчика вместе с княжичами, тем самым повергнув Москву в смятение и хаос. Но новгородский архиепископ Иона отговорил заговорщиков, сказав, что убивать государя бессмысленно, поскольку его старший сын Иван остался в Москве и сумеет удержать власть в своих руках.

Из этого следует, что в двадцать лет Иван Васильевич был соправителем уже не только номинально, но и фактически — и об этом знала вся страна.

Вот почему вокняжение Ивана после смерти отца (27 марта 1462 г.) произошло без каких-либо осложнений, и чувствовал он себя на престоле настолько уверенно, что даже не озаботился — впервые в московской истории — испросить ярлык у хана. Именно этим историческим моментом (а не 1480 годом, как принято считать), пожалуй, и следует завершать эпоху татарского владычества над Русью. Тогда же фактически рождается «второе» суверенное государство.

Раз и навсегда определенного порядка престолонаследия на Руси не существовало, и всякий раз после смерти предыдущего великого князя возникал раздор между претендентами, которые в прежние времена часто обращались за поддержкой к внешней силе — татарам. Но для независимой страны вопрос династической преемственности имел первостепенную важность — особенно в той системе самодержавной власти, которую всю жизнь строил Иван III. В последний период его правления из-за неопределенности порядка наследования в стране произойдет серьезный кризис. Чтобы разобраться в его истоках, нам придется подробно рассмотреть матримониальную жизнь Ивана Васильевича.
